

national security interests of the country.

Modern scientific literature shows a significant number of definitions of corruption, which generalizing; we can state that the understanding of corruption depends on the angle at which it is trying to explore the specialists of different branches of science. This conceptual-categorical apparatus allows you to create educational tools and output logical and methodological basis for the analysis of the problem of corruption in higher education.

Key words: *corruption, higher education, power, state, university, academic ethics.*

УДК 130.2

Бузский М. П.,

доктор философских наук, профессор кафедры философии
Волгоградского государственного университета.
(Волгоград, Россия), E-mail: metamarat1@yandex.ru

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В САКРАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. *Анализируя проблему приоритетного статуса настоящего, которое преобладает в современном обществе и выявляя дефекты этой ситуации, автор показывает необходимость нахождения его оптимальных связей с прошлым и будущим, которые осуществляются через социокультурные традиции. Поскольку бытие последних выходит за рамки функциональных связей общества, существующих как его настоящее, традиции выполняют роль сакрального, на основе которого общество и его субъекты осуществляют идентификацию со своим собственным национальным «кодом», или идеей, исторически сохраняющих свою самобытность при изменении внешних условий – содержания общественной жизни. Передача и воспроизводство традиций происходят в социально-коммуникативном пространстве данного общества. Рассматриваются особенности процесса сакрализации социального пространства через культурные традиции на Украине.*

Ключевые слова: *традиция, сакральное, социальное пространство, культура, социальная система, национальная идея (код), социокультурные коммуникации.*

Современное информационное общество, наполняя свое пространство бесчисленными потоками коммуникаций и акцентируя их приоритетную значимость, значительно обедняет многообразие социально-культурной сферы, реально присутствующей в общественной системе. Соответственно обедняется и разнообразие общественных отношений, происходит деформация личности и т.п. В силу быстрой смены содержания и форм самих коммуникаций их пространство *обесценивается*, а значит – и его собственная социальная инфраструктура теряет свою роль в процессе социализации индивидов.

Происходит массовое отчуждение людей не только от собственной территории проживания (рост замусоривания улиц, дворов и подъездов, уменьшение числа тех, кто заполняет территории отдыха и др.), но и резкое снижение статуса *тех институтов и функций* общественной системы, которые выходят за рамки информационных технологий, коммуникаций и др. Сегодня явно падает уважение к культуре, принципам нравственности и духовности, ко всем социальным сферам, которые не занимаются проблемами денег и прибыли (например, институт образования). Усиливаются институты власти и коммерции, СМИ и массовой культуры. Получается, что общество осваивается преимущественно через те его структуры, которые *целиком определяются настоящим* и мало связаны с прошлым. И даже будущее оказывается достаточно неясным. На этой основе и сформировалась философия постмодерна как мировоззрение, которое сосредотачивается только на координатах настоящего времени, отрываясь от философских традиций и не видя собственного будущего.

Но рост национального самосознания, как и мощная потребность общества глубже понять и освоить собственную территорию и те процессы, которые на ней про-

исходили, – особенно достижения культуры, сформированные общественные идеалы и ценности – **требует соединения настоящего с прошлым и будущим**, а также *обоснованной концепции и методологии* такого соединения. Теоретически проблема эта связана с концепциями монофакторности и многофакторности в регулировании и развитии общества.

Постулат о единственном изначальном факторе, который управляет всем многообразием общественной жизни (например, экономико-производственная сфера в марксизме) начинает плохо работать, когда требуется объяснение феноменов, выходящих за рамки прямой детерминации. Так, марксистская концепция общественно-исторической сущности индивида, личности, которая исходит из воздействия экономического способа производства на структуру социума, институты надстройки и т.п., не может однозначно ответить на вопрос: откуда личность берет свою самобытность, позволяющую ей выстраивать свое отношение к обществу (т.е. реально выходить за рамки данных общественных отношений).

С другой стороны, концепция многофакторного регулирования общественных изменений (например, принятая в концепции общества М. Ковалевского) затрудняется в объяснении *механизмов синхронизации* разных факторов (экономических, культурных, языковых, политических и т.д.), которые, несмотря на свою собственную ритмику, совмещаются в процессе общего изменения общественной системы. Эти механизмы, по-видимому, опосредуют связи между факторами, т.е. выступает как некая «метасистема» по отношению к ним. Но что она собой представляет? Это все еще оказывается неясным.

Избегая этих затруднений, мы исходим из того, что социальное и культурное пространство определенной (национально единой) страны исторически *оказывается гомогенным* или однородным. Оно сохраняет свою основу – как пространство именно *данной страны*, несмотря на процесс модернизации, усиление внешнего и внутреннего информационно-экономического и др. взаимодействия. Эта однородность сохраняется на основе культурных и других традиций, социальной памяти, национального языка, исторического наследия, накапливаемого данным народом. Поэтому сегодня актуальным становится более глубокое исследование содержания и функций культурных, социальных и других **традиций**, через которые происходит освоение прошлого нашими современниками, а вместе с этим – обогащается и становится более разнообразным и социальное (культурное) пространство, повышая для современников *свою собственную ценность – как пространство своей страны*.

В самом общем рассмотрении понятие «традиция» означает: 1) исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколения обычаи, порядки, правила поведения; 2) обычаи, установившийся порядок в поведении, в быту; 3) устный рассказ, передающийся от поколения к поколению, предание.[1, с. 502]. В контексте обществоведения традицию образуют – элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени. В качестве традиции выступают определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т.д. [2, с. 135]. С точки зрения Г. А. Праздниковой, «не знания о мире, а коллективный опыт деятельности – вот что накапливает, схематизирует и передает от человека к человеку, от поколения к поколению традиция... Традиция есть некое связующее звено между культурным наследием и творчеством, осуществляющее не только преемственность культур, но и их диалог. Традиция рождается во встречном движении обеих тенденций культуры». [3, с. 26].

Обобщая важнейшие направления исследования самих традиций как предмета, Е. Шацкий выделяет функциональное, объектное и субъектное. Он уточняет, что для первого «в центре внимания находится функция передачи из поколения в поколение тех или иных (в основном духовных) ценностей данной общности. **Второе...**

назовем *объектным*, поскольку оно связано с перемещением внимания исследователя с того, как эти ценности передаются, на то, каковы эти ценности, что подлжит передаче. **Третье** (направление) можно назвать *субъектным*, так как на первом плане здесь находится не функция передачи, не передаваемый объект, а отношение данного поколения к прошлому, его согласие на наследование, либо же протест против этого». [4, с. 283–284].

Н.С-Д. Садыева подчеркивает, что «традиция – это любое то, что передается от поколения к поколению или из поколения в поколение. В содержание понятия «традиция» входит постоянство передачи чего-либо, отсутствие в этом перерывов. В противном случае происходит «выпадение» из традиции целого поколения: если после поколений, следовавших традиции, оказалось поколение, которое ей не следует, то появление такого поколения означает гибель, или угасание традиции. При этом происходит следующая последовательность процессов: передача → повторение (восприятие + усвоение + воспроизведение) → передача... Традиция жива, пока ее содержание передается и повторяется следующим поколением». [5, с. 55].

Итак, традиция – это содержание общества или эпохи прошлого, которое *непрерывно передается* через связи поколений в настоящее. Для нашей темы необходимо выделить некоторые особенности. 1. Сохранение процесса передачи традиции. Если последующее поколение ее не воспроизводит, тогда она остается в прошлом и до настоящего не доходит. Значит, каждое новое поколение отбирает некоторое содержание наследия прошлого, часть из которого оно не воспринимает. Тогда это значит, что следующее поколение должно иметь *потребность в сохранении традиции*, а также интерес к ее освоению через включение в свое социальное настоящее. 2. Традиция не зависит от функциональной организации данного общества в его настоящем, но существует как *вне (или не) функциональная* реальность, которая выходит за рамки собственной организации данного общества. Тогда возникает вопрос: почему данная система общества вместе с существующими в ней функциями оказывается недостаточной для современников и требуют включения социокультурных и других традиций? И какой статус должны иметь в данном обществе традиции, если они сохраняются не на функциональной основе? В чем их укорененность в настоящем, если они возникли и существовали на своей основе в прошлом? И тогда возникает предположение, что 3. Традиции, которые не связаны с функциональной структурой современного этапа общества, существуют на другой основе, – как сфера **сакрального**, которая существует как *один из механизмов организации общества* в процессе его исторических изменений – как коррекция его устойчивого культурного ядра и изменившихся условий существования данного общества.

Следовательно, мы должны конкретнее рассмотреть соотношение сакрального и традиций.

Современные исследования сакрального не только активно осуществляются, но и переосмысливают его содержание, включая в него новые аспекты. Так, наряду с традиционной трактовкой сакрального в соотношении с профанным, сегодня в социологии и социальной философии анализ повседневности вовлекает в рассмотрение также ее коммуникативно-смысловую среду – язык, символ, знак, а также и проявления сакрального: происходит *сакрализация повседневного мира*. Эти аспекты раскрываются у П. Бергера, Т. Лукмана, Д. Белла, А. Шюца, Ж. Бодрийара, М. Бланшо.

С точки зрения М. Элиаде, сакральное и профанное составляют структуру пространства бытия людей: «Есть пространства священные, т.е. «сильные», значимые, и есть другие пространства, неосвященные, в которых якобы нет ни структуры, ни содержания, одним словом, аморфные. Более того, для религиозного человека эта неоднородность пространства проявляется в опыте противопоставления священного пространства, которое только и является реальным, существует реально, всему остальному – бесформенной протяженности, окружающей это священное про-

странство. [6, с. 23].

Данный автор подчеркивает значение сакрального пространства для «определения» человеком противостоящего ему мира: «Открытие священного пространства позволяет обнаружить «точку отсчета», сориентироваться в хаотичной однородности, «сотворить Мир» и жить в нем реально. Напротив, мирское восприятие поддерживает однородность, а, следовательно, относительность пространства. Всякая истинная ориентация исчезает, т.к. «точка отсчета» перестает быть единственной с онтологической точки зрения. Она появляется и исчезает в зависимости от повседневных нужд. Иначе говоря, больше нет «Мира», а есть лишь осколки разрушенной Вселенной, т.е. аморфная масса бесконечно большого числа «мест» более или менее нейтральных, где человек перемещается, движимый житейскими потребностями, обычными для существования в индустриальном обществе». [6, С. 23–24]. Но и в этом «аморфном» пространстве сохраняются лично значимые «пункты» – места рождения и проживания, проведения детских лет, значимые личностные события и др.

А. А. Федоровских в своей диссертации среди положений, выдвигаемых на защиту, подчеркивает, что «1. Сакральное и профанное являются ценностными ориентирами социального бытия, воплощаясь и трансформируясь в различных социокультурных мировоззренческих формах: мифе — религии — идеологии, они обнаруживают свою аксиологическую амбивалентность. Содержание и смысл понятий сакрального и профанного, как и их социальный статус исторически меняются и определяются обществом... 6. Повседневность, обыденность, мирское, переходящее становится единственной реальностью, его ценность определяет весь строй человеческой жизни. В современной мифе синкретичность связана с отказом от сокрытых, трансцендентных святынь, с превалированием профанного. Профанное занимает место сакрального в качестве высшей социальной ценности и оказывается аксиологической доминантой.» [7, с. 8, 9].

С нашей точки зрения **сакральное** – это *выделение в обществе сохраняющегося культурного, мировоззренческого, ценностного «ядра»*, которое переходит из прошлых эпох в современность. С другой стороны, на основе ценностно-онтологического и регулятивного статуса сакрального в каждом периоде жизни данного общества из прошлого объективно и частично неосознанно для современников отбирается все то, что оказывается важным для последующего развития общества. Поэтому «сакрализация обыденного» – это наполнение общества данной эпохи тем содержанием, которое не может быть функционально связано с настоящим, но имеет ценностно-регулятивный, нормативный статус. Сакрализация обыденного – это существование в общественной жизни некоторых «избыточных» для данной системы связей, отношений и нормативов. Могут ли традиции быть источником и «каналами» осуществления такой функции? Не просто могут, но они фактически выполняют такую функцию, что частично объясняет их востребованность и особенности связи настоящего с прошлым в жизни общества. В традициях, как замечает Е. Шацкий, и на их основе через непосредственную историческую связь поколений происходит «преобразование неоднозначных фактов прошлого в однозначные ценности настоящего.» [4, с. 434].

Однако, если это реальный процесс, то почему настоящее сегодня «отторгает» прошлое, и сама сакрализация повседневности происходит для сознания современников незаметно? Сакральное как бы «погибает» в профанном (повседневном, обыденном), растворяется в бесконечной фактичности, которая привязана к функциональным отношениям, формируя только современное. Все это осуществляется в коммуникационных процессах и отношениях, которые определяются конкретными целями и задачами, рассчитываются через критерии эффективности, минимального риска и др. Но, тем не менее, реальная сакрализация – восстановление и актуализация культурных традиций, идущих от прошлого – все-таки происходит.

Какие же свойства социокультурных традиций обеспечивают подлинную функцию «сакрализации повседневности»?

Н. С-Д Садыева, раскрывая структуру традиций, подчеркивает: «Общим в структуре всех традиций является наличие в ней предметного и нормативно-регулятивного компонентов. *Предметный компонент* выступает как само наследие, объект традиции, включающий ценности материального и духовного порядка (веру, ритуалы, знания, символы, вещи, оценки, установки, идеалы). В каждой конкретной традиции система наследия имеет свою специфику.

Нормативно-регулятивный компонент определяет способ, каким субъекты используют переданные им традиционные ценности, это ядро традиции, ее дух. По иному его можно назвать регулятивным образом мира, который специфичным способом отражает объективную реальность, представленную субъекту сквозь призму традиционных способов и форм общения. Так, очевидно, что существенно различны между собой способы религиозного, правового, бытового и научного общения субъектов, различен сам дух и природа этих традиций. В нормативно-регулятивный компонент традиции включены нормы, схемы, способы общения, статус субъектов общения, способ связи субъектов между собой и с объектами традиции. Кроме того, в структуру традиции входят *процессуальный* и *рефлексивный* компоненты (курсив мой – М. Б.). Под первым мы понимаем характеристики способов передачи наследия (открытая или закрытая, широкая или узкая, общая или профессиональная). Рефлексивный компонент включает отношение людей к самой традиции, осознание включенности в нее, сознательный выбор той или иной традиции (явные и неявные, зрелые и незрелые традиции). [5, с. 56–57].

Таким образом, структура традиции вполне адекватна для выполнения *функции сакрализации*, которая осуществляется на основе изменения статуса и содержания культурных коммуникаций, открывающих для людей их собственное культурно-историческое прошлое; здесь происходит расширение мировоззрения, ценностного кругозора. Таким образом, осуществляется приобщение современников к глубинным национальным идеям, к самому способу переживания и восприятия реальности, который в формах и символах культуры является *нормативным*. Он связывает индивидов в духовные общности, которые вводят индивидов в новые смысловые пространства, изменяющие их отношения к самим себе: возникает переживание ими новых сторон национально-культурной идентичности. На основе сакрализации значительно *расширяется пространство смысла* и значимость тех или иных содержаний, которые осуществлялись в прошлом в сфере социума и культуры. Именно поэтому данная традиция переходит от своего социально-предметного к социально-символическому статусу и становится некоторой нормой для данного общества. Но в этом плане норма переходит в разряд целей, которые определяют будущее.

Эти цели никогда не достигаются и не имеют конкретного содержания, которое должно быть предметно «освоено». Роль таких целей в другом: *подтвердить включенность* данного общества, во-первых, в собственный исторический процесс (как и более широкое историческое пространство сосуществования стран и народов), а во-вторых, – его (общества) бытийно-смысловую и содержательную *причастность к сфере бытия национального*, которое остается тождественным самому себе, – инвариантной константой, несмотря на все технические, социальные и другие изменения и модернизации.

Поскольку эти коммуникативные процессы осуществляются в социальном пространстве, рассмотрим его более обстоятельно. Данное пространство многослойно, имеет различные ритмы социального времени и включает в себя сферы субъективного и объективного содержания. Оно формируется на основе деятельности социальных субъектов, также на основе общения и выражает общую системную организацию (т.е. собственный порядок) данного общества. В этом пространстве его предметное содержание относится к системе потребностей и интересов людей,

передает функции общества, содержит в себе потенциальную и актуализированную компоненты. Социальное пространство – это «распределения» всего того содержания общества, которое накоплено им, во-первых, исторически, а во-вторых, создается через процесс собственного воспроизводства общества в настоящем. Но в данное пространство «попадает» и воздействие внешней среды – информация, технологии, продукты культуры, достижения науки и т.д.

В целом, для нас важными являются мировоззренческая и деятельно-коммуникационная «плоскости» социального пространства. Раскрывая эти аспекты, А. И. Осипов пишет: «Категории культуры реально существуют как некая целостность, но не наряду со своими проявлениями, а в них, через них... Таким образом, категории пространства и времени являются относительно устойчивыми и фундаментальными образованиями культуры, отражающими всеобщие и существенные характеристики пространственно-временных отношений. Они предстают как универсальные... категории культуры, обладающие определенной целостностью. Универсальные в том смысле, что они присутствуют и функционируют в различных сферах культуры (а не только в мышлении). Не унифицированные в том смысле, что они могут существовать в различном виде в зависимости от предмета, уровня и формы отражения. Целостные в том смысле, что... названные категории дают интегративный и относительно инвариантный образ пространства и времени, свойственный той или иной эпохе» [8, с. 15–16].

Другими словами, пространство и время в содержании мировоззрения и самом жизненном процессе общества оказываются его *общей внутренней формой*, через которую людям данной эпохи дается мир. Но они охватывают и схемы деятельности, выявляя ее конкретно исторический характер. Именно поэтому «категории пространства и времени... являются фундаментальными мировоззренческими продуктами процесса социализации пространственно-временных отношений, т.е. представляют собой усвоение в категориальной форме общественно-историческим субъектом процесса освоения пространства и времени. В результате такого освоения у человека формируется образ, конкретно-историческое видение пространства и времени и определенная структура приемов, операций по освоению и преобразованию пространственно-временных характеристик объектов» [8, с. 18].

В каждом обществе его пространство оказывается «заполненным» временем прошлого, настоящего и будущего. Но это не абстрактные «модусы», а вполне конкретные по содержанию виды общения и информации, через которые структурируется и само это пространство. *Прошлое* оказывается источником содержания традиций, и оно на их основе перемещается в настоящее. Но так как оно теперь функционально не связано с системой общества, (т.е. системной организацией его порядка), то оно формируется как «слой» социальной и культурной *нормативности*: не способное перевести в настоящее возникшие в прошлом технологии и схемы деятельности, так как из них не «производится» настоящее, это прошлое в своем традиционном содержании выступает как регулятор, ценность, как *бытийный смысл* людей данной культуры. Прошлое в традициях выступает как некоторый объективный «*контролер*», не позволяющий отходить самому обществу в его настоящем от национально-бытийной самобытности и целостности данного общества, его народа.

Если конкретно рассматривать культурные традиции Украины, то можно поддержать позицию С. Н. Садовенко, которая отмечает, что «для Украины устная народная нематериальная традиционная культура – народное песенное творчество, фольклорный арсенал культуры – всегда играла решающую роль в сохранении языка, духовности, национальной идентичности, собственно, перспектив существования нации. Именно в народном песенном творчестве комплекс характерологических черт украинцев проявляется в уникальном наборе неповторимых национальных признаков» [9, с. 161].

Народная песня – это целостное защищенное смысловое пространство коммуни-

кации, в котором сохраняется и «предметность» – сюжет песни, и соответствующее поведение (способ общения людей, которые связаны слушанием и исполнением). В данном аспекте она прямо выражает «вневременность» национальной идеи, хотя и возникает в конкретный исторический период. Осмысливая специфические особенности украинской культуры и ее роль в модернизации современного украинского общества, С. Н. Садовенко подчеркивает, что «Ценным феноменом украинской культуры является широкое сохранение автохтонного культурного кода и наличие перспектив для консервативно-революционного развития, предполагающего объединение современного культурного дискурса, модернистского и постмодернистского культурного языка, а также сакрального измерения традиционной культуры... По нашему глубокому убеждению, украинский вариант модернизации культуры должен происходить именно с помощью традиции, а не путем отказа от нее, как это произошло в большинстве западноевропейских культур.

В условиях постмодернизма и постиндустриального общества подобный опыт крайне необходим, поскольку позволяет искать новые пути культурного развития и спастись от духовной исчерпанности и опустошенности эпохи позднего модерна и постмодерна... Итак, в современных реалиях украинское народное творчество, украинский музыкальный фольклор в контексте этнического самосознания и как факторы национальной самоидентификации украинцев, без усилий помогут каждой личности идентифицировать себя с национальной культурой своего народа». [9, с. 163].

Но реальное сохранение и освоение народно-культурных традиций все же происходит: в стране прослеживается явная преемственность, где молодежь перенимает эти **обычаи и традиции Украины** у старшего поколения. Рождество, Масленица, Пасха, а также свадьба – примеры реальной сакрализации в жизни украинского общества.

Итак, изменение экзистенциального качества и смысла социального пространства – на основе его насыщения традиционным культурным содержанием через обновленные каналы общения – является вместе с тем и формированием новых черт общественного и индивидуального сознания. Эта сакрализация охватывает не только музыкальное творчество, но и театр, живопись, архитектуру – вообще, все те виды художественной культуры, которые включаются в социальную жизнь через собственные каналы коммуникации.

Но обновление социального пространства символами и «духовностью» культуры прошлого – только часть процесса сакрализации. Не менее важным является выявление способов соединения прошлого и современности. Здесь базовый принцип – опора на инвариантность национальной идеи, которая, сохраняя свое собственное ядро (как нечто самобытное и сакральное), вместе с тем меняет исторические формы своего социального бытия: она связывает вневременность и время в едином историческом пространстве своего бытия. Концептуализация этого соотношения, выявление его объективных со-измерений позволяет разработать продуктивную политику обновления информационно-коммуникационного пространства как части пространства социального, расширяя на этой основе и сам социальный опыт наших современников.

Только интеграция, синтез здесь философско-мировоззренческого, научно-образовательного, административно-регулятивного, культурного, общественного и других начал позволяет надеяться на реальное решение этой важной для любого современного общества проблемы.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ:

1. Словарь иностранных слов. – М., Политиздат, 1982. – 657 с.
2. Большая советская энциклопедия. – Т. 26. – М., 1977.
3. Праздников Г. А. Традиция как диалог культур // Советская этнография. – 1981. – № 3, С. 26
4. Шацкий Е. Утопия и традиция – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.

5. Садыева Н. С.-Д. Роль понятий «непрерывность» и «неразрывность» в понимании сущности традиции // Журнал Вестник Бурятского государственного университета, Вып. 6, 2010, С. 54–59.
6. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
7. Федоровских А. А. Трансформація сакрального и профанного в обществе: миф-религия – идеология. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.01 – Екатеринбург, 2000. – 24 с.
8. Осипов А. И. Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы практической деятельности. – Минск: Изд-во «Наука и техника», 1989. – 220 с.
9. Садовенко С. Н. Основные тенденции развития культуры Украины в XXI веке // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов, Вып. №3 (93), С. 160–163.

REFERENCES:

1. Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. – М., Politizdat, 1982. – 657 s.
2. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [The great Soviet encyclopedia]. – Т. 26. – М., 1977.
3. Prazdnikov G. A. Traditsiya kak dialog kul'tur [Tradition as a dialogue of cultures] // Sovetskaya etnografiya, 1981, № 3, P. 26
4. Shatskiy E. Utopiya i traditsiya [Utopia and tradition] – М.: Progress, 1990. – 456 s.
5. Sadyeva N. S.-D. Rol' ponyatiy «nepreryvnost'» i «nerazryvnost'» v ponimani sushchnosti traditsii [The Role of the concepts «continuity» and «continuity» in understanding the essence of the tradition] // Zhurnal Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, Vyp. 6, 2010, S. 54–59.
6. Eliade M. Svyashchennoe i mirskoe [Sacred and the secular] – М.: Izd-vo MGU, 1994. – 144 s.
7. Fedorovskikh A. A. Transformatsiya sakral'nogo i profannogo v obshchestve: mif-religiya – ideologiya [Transformatsiya sacred and profane in society: myth religion ideology] Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk. Spetsial'nost' 09.00.01 – Ekaterinburg, 2000. – 24 s.
8. Osipov A. I. Prostranstvo i vremya kak kategorii mirovzzreniya i regulatory prakticheskoy deyatel'nosti [Space and time as categories of mirovzzreniya and regulators prakticheskoy activities] – Мinsk: Izd-vo «Наука i tekhnika», 1989. – 220 s.
9. Sadovenko S. N. Osnovnye tendentsii razvitiya kul'tury Ukrainy v KhKh1 veke [The main trends of development of Ukrainian culture in the XXI century] // Zhurnal nauchnykh publikatsiy aspirantov i doktorantov, Vyp. №3 (93), S. 160–163.

Бузький М. П., доктор філософських наук, професор кафедри філософії Волгоградського державного університету (Волгоград, Росія), E-mail: metamarat1@yandex.ru

Культурно-історичні традиції в сакралізації сучасного соціального простору.

***Анотація.** Аналізуючи проблему пріоритетного статусу справжнього, яке переважає в сучасному суспільстві і виявляючи дефекти цієї ситуації, автор показує необхідність знаходження його оптимальних зв'язків з минулим і майбутнім, які здійснюються через соціокультурні традиції. Оскільки буття останніх виходить за рамки функціональних зв'язків суспільства, існуючих як його справжнє, традиції виконують роль сакрального, на основі якого суспільство і його суб'єкти здійснюють ідентифікацію зі своїм власним національним «кодом» або ідеєю, історично зберігали свою самобутність при зміні зовнішніх умов, змісту суспільного життя. Передача і відтворення традицій відбуваються в соціально-комунікативному просторі суспільства. Розглядаються особливості процесу сакралізації соціального простору через культурні традиції на Україні.*

***Ключові слова:** традиція, сакральне, соціальний простір, культура, соціальна система, національна ідея (код), соціокультурні комунікації.*

Buzsky M., doctor of philosophical sciences, professor of the Department of philosophy, Volgograd state University (Volgograd, Russian Federation), E-mail: metamarat1@yandex.ru

Cultural and historical traditions in sacralization of the modern social space/

***Abstract.** Analyzing the issue the priority status of the present, which is prevalent in modern society and identifying the defects in this situation, the author shows the need to find its optimal connections with the past and the future, which are implemented through socio-cultural traditions. Genesis, being the latest goes beyond functional relations of society, existing as it is now, the*

tradition of performing the sacred role, on the basis of which society and its constituent entities shall identify with their own national «code,» or the idea that historically retains its identity under changing external conditions – the content of public life. Transmission and reproduction of traditions occur in the social-communicative space of the society. Discusses features of the process of sacralisation of social space through cultural traditions in Ukraine.

Key words: tradition, sacred, social space, culture, social system, national idea (code), social-cultural communication.

УДК 141.78

Корх О. М.,

Університет митної справи та фінансів
(Дніпро, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

РАДИКАЛІЗАЦІЯ ЦІННІСНИХ ІНТЕНЦІЙ СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ В ДОБУ ВІДРОДЖЕННЯ

Анотація. Аналізуються трансформації, що відбуваються в ціннісних орієнтаціях західного Середньовіччя в добу Відродження.

Ключові слова: Відродження, ціннісні орієнтації, ідея особистої автономії та самовизначення, індивідуалізм.

Модернізація українського суспільства цілком природно посилює увагу до його ціннісних засад, у тому числі до ідеї особистого самовизначення, як одної з ключових у системі не лише модерних але й постмодерних цінностей. У цьому зв'язку не менш природно постає питання щодо характеру трансформацій, що відбуваються з індивідуалістичними інтенціями західного Середньовіччя в добу Відродження. Дане питання досить важливе з огляду на те, що в межах вітчизняного культурного контексту, щедро заплідненого спільними християнськими ідеями, ренесансні впливи хоча і присутні, однак явно не такі глибокі і масштабні як на Заході. З метою подальшого компаративного аналізу спробуємо з'ясувати характер трансформацій, що відбуваються із зазначеними інтенціями в їх «автохтонному» – західному культурному контексті, представленому передусім в його філософській рефлексії.

Достатньо репрезентативною у цьому відношенні була творчість М. Кузанського, який один із перших мислителів того часу проголосив, що людина – це не нікчемна частинка Всесвіту, а найдосконаліший його «відблиск», частина і, водночас, автентичне втілення. Завдяки цьому **кожна людина** виступає як індивідуальне буття усього того, що притаманне універсуму, у тому числі і свободи. При цьому свобода – це вже не просто умова виправдання Бога, а сам шлях до нього. Адже Господь приймає людину лише тоді, коли вона стає сама собою, тобто вільною. «Ти (Господи. – О. К.) вимагаєш моєї свободи, оскільки не можеш бути моїм, доки я сама не буду належати собі; і надавши це моїй свободі, ти не приневолюєш мене, а очікуєш, коли я відважусь бути сама собою» [2, с. 48].

Логічним продовженням такої рефлексивної метаморфози стало інтенсивне поширення погляду на людину не через призму її гріхопадіння та спасіння завдяки божественній благодаті, а у зв'язку з її власними достоїнствами і можливостями. Християнський антропоцентризм, завдяки цьому, набуває принципово нових акцентів: вперше після багатовікової проповіді нікчемності земного існування відкрито проголошується висока значущість поцейбічних людських справ, більш того – «героїчного ентузіазму» (А. Данте, Дж. Бруно та інші); на протиположний розсуд про гріховність людської природи та заклик до аскетичного самоприниження і самопожертви, відверто заявляється про прагнення індивіда до самозбереження й особистої користі як цілком природне підґрунтя людських учинків, яке не суперечить ні волі Всевишнього, ні людській гідності, ні почуттям обов'язку, ні турботам про благо інших (К. Раймонді, Л. Валла та інші); на зміну традиційним сентенціям